

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ МИФА В КОНТЕКСТЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

Ставицкий Андрей Владимирович,

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

В статье рассматривается проблема методологии научного познания в свете исследований мифа как культурной универсалии. Данный подход характерен для неклассической мифологии, которая исходит из того, что миф не только сказание о богах и героях, но базовая культурная универсалия, а мифотворчество является важной функцией сознания, свойственной человеку на всех этапах его развития, и не может быть изжито, благодаря научным знаниям, т.к. является иной, художественной, образно-символической формой творчества людей, обладающей своей особой суггестией.

Предметом статьи являются методологические аспекты общей теории мифа, разрабатываемой на основе неклассической мифологии.

В ходе исследования автору удалось показать, что получившие развитие в рамках неклассической науки современные эпистемологические подходы позволяют не только увидеть те особенности и условия, которые принципиально разделяют миф и науку, но и обнаружить и понять то, что их существенно сближает, превращая взаимодействие науки и мифа в рамках культуры как целого в продуктивный и взаимовыгодный процесс. Особо в статье разбираются частные вопросы взаимодействия интуиции и логики, их роль в процессе познания, сопровождаемого неизбежным мифотворчеством.

Ключевые слова: миф, современный миф, мифотворчество, неклассическая мифология, общая теория мифа, методология науки, постнеклассическая наука

METHODOLOGICAL ASPECTS OF UNDERSTANDING GENERAL MYTH THEORY IN THE CONTEXT OF NON-CLASSICAL MYTHOLOGY

Stavitskiy Andrey Vladimirovich

Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol
(Sevastopol, Russia)

Abstract

The article considers the problem of the methodology of scientific cognition in the light of studies of myth as a cultural universal. This approach is characteristic of non-classical mythology, which proceeds from the fact that myth is not only a story about gods and heroes, but the basic cultural universal, and mythmaking is an important function of consciousness, inherent in humans at all stages of their development, and cannot be eliminated, thanks to scientific knowledge, as it is another, artistic, figurative and symbolic form of human creativity, which has its own special suggestion.

The subject of the article is methodological aspects of the general theory of myth, developed on the basis of non-classical mythology.

In the course of the research the author has managed to show that modern epistemological approaches, developed within the framework of non-classical science, allow not only to see those features and conditions, which fundamentally separate myth and science, but also to discover and understand those things, which significantly bring them together, transforming interaction of

science and myth in the culture as a whole into a productive and mutually beneficial process. In particular, the article deals with the particular issues of interaction between intuition and logic and their role in the process of cognition, accompanied by the inevitable myth-making.

Key words: myth, modern myth, myth-making, non-classical mythology, general theory of myth, methodology of science, post-non-classical science

Введение (Introduction)

Хотя в науке и наблюдаются поразительные по глубине открытий и идей мифологические исследования, которые заложили основы для общей теории мифа, призванной объединить всё самое интересное в этой области на принципах взаимной дополнительности [9; 16; 20; 26], порой создаётся такое впечатление, что большинство судящих о мифе учёных об этих исследованиях не знает. Именно данное наблюдение подвигло в своё время автора данной статьи на организацию ежегодной международной конференции «Миф в истории, политике, культуре», в выпуске трудов которой принимают активное участие сотни учёных, включая ведущих исследователей мифа А.А. Гагаева, А.М. Лобока, С.А. Маленко, В.М. Найдыша [20], А.Г. Некиту, Ю.С. Осаченко, М.В. Пивоева, М.В. Пименову, В.С. Полосина и др. [19] Но процесс просвещения и утверждения новых идей идёт крайне медленно, вынуждая поставить вопрос о методологических парадоксах неклассической науки, которыми в новейших исследованиях мифа нельзя пренебречь [12; 30; 31]. Особенно это касается таких онтологически сложных тем, как взаимодействие науки и мифа, роль мифа в процессе познания, миф и логика, интуиция и рациональность [27; 32; 36].

Результаты и обсуждение (Results and discussion)

В науке исследователи по привычке делают ставку на рационализм. Но что делать, если в современной науке даже рационализм (Т. Кун [14], П. Фейерабенд [32], И. Лакатос [15]) отрицает независимость чувственных и опытных данных от теорий и существование фактов вне теории, хотя на самом деле всё должно обстоять иначе? И что тогда рационализм рассматривает, если, по замечанию известного теоретика науки И. Лакатоса, в нём соотносятся не теории и факты, а две теоретические системы – испытываемая и интерпретационная [15]?

Однако любая теория есть большая или меньшая степень обобщения. Всякое обобщение представляет собой гипотезу. В основе гипотезы лежит предположение. Предположение строится на отталкиваемом от определённых фактов воображении [См.: 22]. Воображение невозможно без условностей, искажений и допущений, а также отказа от тех фактов, которые гипотезе не соответствуют, как внесистемных [2]. По мере развития любой гипотезы количество внесистемных «фактов» имеет свойство увеличиваться, чтобы на какой-то стадии получить право на свою гипотезу и системность, опровергая предыдущую гипотезу в целом или в частностях, таким образом, уничтожая её, либо локализуя, но предлагая нечто принципиально новое.

В свою очередь, позиция, что в науке нет «голых» фактов, так как между наблюдением показаний приборов и получением научного факта лежит длительная и сложная интеллектуальная работа по истолкованию экспериментальных данных, вовлекающая значительный теоретический материал, уже не является исключительной [17].

При этом, типичная для исследователей попытка скрыть метод своих открытий показывает, что наука не всегда хочет раскрывать механизм познавательного процесса, скрывая за рациональностью лежащие в основе открытия интуиции [4; 13], без которых настоящего открытия не сделать. И не только потому, что прибегающие к этому исследователи нередко таким образом пытаются скрыть свой опыт заимствования, как это было с молодым Альбертом Эйнштейном [См.: 3]. Просто воспроизводство творческого поиска в достаточно конкретной форме наглядно показывает, что для открытия логика не требуется и не применяется [7], а интуиция обязательна. Но именно с помощью логики исследователь будет показывать, как он добился результата совсем иным путём. Иначе его открытие не будет признано [38]. Ведь на пути нового стоят старые знания. И у них есть преимущество: они уже господствуют над умами людей в результате научной корпоративной договоренности, обретая силу привычки. Но в этом вопросе интуиция уже не поможет.

Не случайно, пытаясь разобраться в причинах отторжения нового, отдельные исследователи объясняют его давлением той информации, которую учёный усвоил ранее [39], фактически навязывая свой особый, вытекающий из конкретной теории дискурс, который не только предлагает возможности, но и устанавливает пределы. «Формы организованного знания, принятые в готовом виде, весьма жестко задают рамки и мышлению, и воображению человека, забывая имеющуюся практически у всех природную универсальность восприятия и оперирования образами. Врата человеческого восприятия как бы сужаются, настраиваются на специальные, привнесённые извне формы. Даже очень умные и проницательные люди оказываются совершенно неспособными сохранить чистоту и независимость восприятия. За навязанными образами знания они оказываются неспособными видеть другие, причём весьма, казалось бы, прозрачные аспекты доступного всем опыта. Человек как бы заточивается под привнесённые цивилизацией специальные формы деятельности и знания, программируется» [1]. И выйти за рамки установок уже не может, становясь заложником той теории, которую выбрал.

Преодолеть эти заложенные в человека в форме теорий «программы» чрезвычайно трудно. Особенно, если они обеспечены необходимыми фактами и аргументацией, являются результатом коллективного соглашения, опираются на признанные авторитеты, поддерживаются властью и замешаны на интересе. Трудно уже потому, что преодолевать надо не только старые знания и основанную на них методологию, но и человеческую косность. А в случае с последней аргументы могут оказаться бессильными уже в силу их непривычности. Ведь качественно новые идеи ломают привычные представления и тянут за собой необходимость пересматривать всю систему. Тем более, что используемые учёным факты могут быть по-разному интерпретируемы [28; 29], где каждая теория предлагает свой вариант. Более того, не со всеми из них удастся справиться. И обязательно при разработке той или иной теории найдутся данные, которые в неё не будут вписываться. В лучшем случае они попадут в разряд какого-нибудь «допущения» или «парадокса», а в худшем их придётся игнорировать и утаивать от других, чтобы не ставить под сомнение господствующие в науке и обществе истины. Иначе говоря, от них придётся «абстрагироваться», используя принцип идеализации, при котором непротиворечивости теории несущественными или внесистемными данными можно пренебречь до тех пор, пока их не станет слишком много [36].

Следует сказать, что упомянутый выше принцип идеализации является одним из ключевых понятий и методов современной науки. Согласно ему необходимо выделить существенное в чистом виде и отбросить то несущественное, которым можно пренебречь. Ведь, поскольку любая реальная система или явление состоит из большого (часто бесконечного) количества подсистем или менее значимых явлений, любая попытка описать их во всей совокупности заведомо нереальна [40].

Поэтому исследователи прибегают к методу идеализации, который с одной стороны уводит их от реальности, доводя объект до крайней степени обобщённости, но с другой – позволяет приблизиться к реальности с точки зрения понимания её сущностных вещей и отношений. Однако насколько реальным будет такое идеализированное представление, сказать трудно, так как разные исследователи могут строить свои теории на разных принципах и создавать разные модели видения того, что исследуют. И теории, созданные на основе таких моделей, будут разными. Естественно, в рамках каждой из них создавший её исследователь будет стремиться к снятию противоречий, сводя имеющиеся нестыковки к «поправкам», «допущениям» и «парадоксам». Но за пределами теорий скрывающиеся за ними противоречия будут противопоставляться друг другу вплоть до полного отрицания самой теории, как несовместимой с реальностью [34].

Впрочем, все эти аспекты научной методологии мы разбираем лишь для того, чтобы показать, насколько непрочными, условными и относительными являются любые теории, как бы хорошо они ни были обоснованы. Но поскольку за ними всегда стоят люди со своими взглядами, интересами, заслугами, связями, то не удивительно, что для утверждения и защиты своих идей они будут использовать всё, что у них есть. В том числе и описывающие их идеи мифологии [35].

Идеологи позитивизма (Б. Рассел, К. Поппер) не писали об этом, предложив стройную систему обоснования механизма научного познания, которая данными тонкостями пренебрегла. В результате методология логического позитивизма оказалась поставленной под сомнение и уличенной в ограниченности. Но и альтернативные ей методологические концепции не в состоянии решить стоящих проблем. Возможно, потому что в науке нет принципов или методологических норм, которые в тех или иных сферах не подвергались бы сомнению, а каждая новая теория, если она чего-то стоит, рано или поздно предложит и свою методологию, потому что без неё она не будет признана. По мнению С.В. Месяца, «история показывает, что ученые часто действовали и вынуждены были действовать в прямом противоречии с существующими методологическими правилами. Отсюда следует, что вместо существующих и признанных методологических правил мы можем принять прямо противоположные им. Но и первые и вторые не будут универсальными. Поэтому философия науки вообще не должна стремиться к установлению каких-то правил научной игры» [18]. Естественно, речь идёт о правилах, носящих всеобщий и абсолютный характер. А это значит, что признание методологического плюрализма неизбежно [33].

При этом частная проблема включённого в процесс исследования исследователя неизбежно перерастает в проблему всей современной науки, как субъекта познания, вновь и вновь задаваясь вопросом: насколько наука готова понять то, что исследует? Располагает ли она необходимым для этого инструментарием? А если не располагает, то каким образом из создавшегося

положения выходит? К чему стремится в процессе познания наука: к истине или к максимально возможному на данном этапе обоснованию? И как бы на эти вопросы учёные ни отвечали, по крайней мере, в данном случае ясно одно: в мире есть процессы и явления, которые наука в современных условиях и с имеющимися у неё возможностями объяснить не может. И все они, так или иначе, не только строятся на мифологии, но только через миф и могут быть объяснены [24].

И хотя, «безнадежно затевать дискуссию о справедливости принципиальных суждений» [37], когда в связи с накоплением критической массы новых данных возникает проблема смены научного мировоззрения, учёные в первую очередь разбирают именно «принципиальные суждения» на предмет их фактической и логической достоверности, под которой подразумевается соответствие устоявшихся суждений полученным новым данным. В связи с этим довольно любопытен опыт описания и подачи открытия А. Эйнштейна, который, по мнению многих «совершил прежде всего философский прорыв в область неведомого» [11]. Только, если новое происходит через плодотворное отрицание предыдущего посредством переосмысливания его, насколько был «ведомым», известным, понятным тот мир, из которого А. Эйнштейн «совершил» свой «прорыв в область неведомого», если новое привело к его существенной коррекции? Ведь, судя по тому, что от него решили отказаться, он сам оказался не таким, каким его представляли, когда принимали за истинный. И стал ли он истинным после того, как подвергся отрицанию? Привёл ли к окончательной истине новый прорыв? Не ожидает ли со временем отрицание и то, что стало причиной отрицания? А если это так, не является ли образ «прорыва» тоже метафорой, задача которой не объяснить происшедшее, а скрыть другой образ – образ, вскрывающий имитацию, согласно которого, наука идёт от одного незнания к другому – от неведомого к неведомому через неведомое, пользуясь в качестве достоверных лишь частными и локальными данными, которые рано или поздно тоже будут отброшены или изменены? Следовательно, в процессе познания мы не только узнаём что-то новое, но и меняем свои представления о старом, которые ранее казались незыблемыми. И так происходит бесконечно, пока наука живёт.

Да и может ли быть иначе там, где приходится иметь дело с бесконечностью? Бесконечностью во всём – от «пространства-времени» до смысловых игр в рамках локального? Не случайно А. Эйнштейн писал: «Предсказуемость и точность научного познания – результат упрощения и обеднения картины мира» [11]. Но можно ли их избежать там, где надо показать бесконечность? Ведь мир во всей его максимально сложной полноте и цельности наука отразить не в состоянии. Значит, научное познание всегда будет в этих вопросах ограничено сферой локального, логически оперируя данными в границах привычного. Но где пребывает это привычное, как островок знания? Не в хаосе ли [25]? И не в хаос ли устремлено наше познание? Не хаос ли порождает оно, расшатывая старые представления за счёт нового? Так наш мир через познание строится на песке и размывается. Размывается, но строится. И не будет он подвергнут информационной и смысловой энтропии до тех пор, пока познание продолжается, создавая не только новые знания, но и мифы о них.

Впрочем, проблема не только в этом, но и в осмыслении механизма всеобщей причинности. «Физика объясняет, как устроен мир, но никогда не может объяснить, почему он именно так устроен» [11], – подчёркивал в одной из своих работ К. Кедров. Но в каком случае она честнее? Там, где признаётся, что не знает

ни причин возникновения этого мира, ни его исходной мотивации, или тогда, когда пытается выдать очередную порцию взглядов, отвечающих лишь принципам относительного и условного правдоподобия, за истинное положение вещей, предлагая то теорию Большого взрыва, то Вселенную без начала и конца, не считая прочих? Естественно этот вопрос – риторический. И потому не удивительно, что «в физике на уровне микромира понятие "реальность" становится расплывчатым и неопределенным, подчас сливаясь с понятием "вероятность"» [11]. Наверное, если бы человек встретился с этой неизвестной ему бесконечностью, или она бы РАЗОМ открылась ему во всей своей полноте и целостности, он бы сошёл с ума. Но осмысленное понимание и логическое обоснование привычного спасает его от этого, позволяя быть конкретным, логичным и точным там, где большего и не требуется, стараясь не отрываться от тех маленьких повседневных истин, которые помогают ему ориентироваться в мире в данный момент, даже если со временем они окажутся ложными.

Так или иначе, при всём несовершенстве логики и мышления они достаточно совершенны, чтобы открывать истину, что само по себе А. Эйнштейн называл чудом [11]. Тем более, что между реальностью и сознанием всегда возникает образ реальности, который становится фактом сознания и заменяет реальность в голове. Не случайно, по мнению профессора П. А. Жилина, «наука исследует не Реальность саму по себе, а некие упрощенные модели Реальности. Приближение к истинной Реальности осуществляется путем расширения модели. Однако, чтобы построить модель, нам, как минимум, необходимо знать, что мы собственно собираемся моделировать. Иными словами, мы должны иметь априорное представление о Реальности. Получается заколдованный круг: чтобы познать Реальность необходима Наука, а чтобы создать Науку необходимо знание Реальности» [5]. Знание Реальности основано на логике. Но логика не позволяет этот круг разорвать, ставя процессу познания вытекающие из её установок пределы.

«Путем чисто логической дедукции можно было бы вывести картину, т. е. теорию всех явлений природы, включая жизнь, если этот процесс дедукции не выходил бы далеко за пределы творческих возможностей человеческого мышления» [Цит. по: 11], – считал А. Эйнштейн. Одним словом, не выходил бы за пределы привычного. Но процесс познания организован несколько иначе. А это значит, что в нём есть нечто, позволяющее познанию не ходить бесконечно по кругу, а вырываться за границы познанного, каждый раз расширяя его настолько, насколько человек способен. И тем исследователям, которые в разное время сумели сделать это, как правило, ответ был известен.

«Нет действия в природе без причины; постигни причину, и тебе не нужен опыт», – полагал Леонардо да Винчи. И мы видим, как открывшие и обосновавшие вопрос причинности применительно к глобальным процессам учёные отказывались от прежнего опыта там, где он начинал им мешать. Но что мешало исследователям подняться над опытом, если он не выходил за рамки привычного? «Между опытом и теорией пролегал ничейная земля интуиции», – любил повторять по этому поводу А. Эйнштейн, напоминая, что «высшим долгом физиков является поиск общих элементарных законов. К этим законам ведет не логический путь, а только основанная на проникновении в суть опыта интуиция» [11].

В этом смысле, по мнению Анри Пуанкаре, «с точки зрения чистого интеллекта наука есть ничто иное, как набор условных соглашений и не более

того» [5]. Эти соглашения позволяют привести знания к общему знаменателю, что важно, но уже одним этим ограничивают их. Естественно, в данном случае под интеллектом в целом подразумевается способность к стройным логическим суждениям. А под интуицией – «способность человека к прямому восприятию окружающего нас мира, которая отнюдь не сводится к пяти основным органам чувств» [5] и не опирается на логику. В этом смысле интуиция желанна, но не контролируема и логически не выверена. Впрочем, исследуя вклад Анри Пуанкаре в анализ процесса научного познания, П. А. Жилин писал: «Как и большинство современных ученых, А. Пуанкаре явно недооценил принципиальную неустранимость интуиции из основ любой рациональной науки, включая математику. Это тем более удивительно, что А. Пуанкаре обладал глубочайшим интуитивным умом, и он даже мягко критиковал Д. Гильберта за его стремление изгнать интуицию из математики» [5].

Чем же отталкивала интуиция учёных? Чем настораживала? Своей, роднящей её с мифом непознаваемостью. Но, несмотря на это, у стремящихся к дальнейшему развитию науки исследователей выбора нет, потому что «никакое истинное развитие науки невозможно без непосредственного участия интуиции, а свободно изобретенных идей и понятий не существует в природе» [5]. Значит, вывод однозначен: для того, чтобы познание продолжалось, логика должна быть дополнена интуицией [21]. Причём, не только на уровне открытия, но и на стадии моделирования. Ведь «именно интуитивный метод лежит в основе составления научных моделей. Чисто интеллектуальный подход может создавать видимость научных открытий, но по существу он бесплоден» [5]. Однако, именно на интеллект и логику ссылается большинство учёных, когда говорят о познании, оставляя проблему открытой. И, поскольку интуиция не поддается законам логики, требуя от учёного использовать весь свой творческий потенциал разом, не исключено, что имеющие место противоречия между логическим и интуитивным мышлением будут разрешены на уровне не физики, а метафизики. В опыте экзистенции и, быть может, метафор в духе К. Кедрова: «Человек – это изнанка неба, / Небо – это изнанка Человека» [10].

Заключение (Conclusion)

Безусловно, подобные аналогии приведут к новым метафорам и логическим неясностям, и будут множить вызванные мифотворчеством игры смыслов, которым не видно конца [6]. Возможно, кого-то они смущают или даже пугают. Кому-то не дают поживать на лаврах. От кого-то требуют умственных усилий и духовного напряжения. Но не будь их, наука не развивалась бы, ограничившись своей монополией над той зоной привычного, которую можно контролировать с помощью ряда мировоззренческих договоренностей, позволяющих определиться, какую точку зрения на тот или иной вопрос считать логичной и единственно правильной [23]. Так наука прорывается, бунтуя и открывая новые дали, и одновременно ограничивает, подавляет себя. И в обоих случаях она прибегает к неосознанному мифотворчеству, чтобы лучше обосновать свои действия. Исходя из этого, мы можем констатировать, что наука и миф, несмотря на существенные различия выполняют одну работу, только в разных сферах человеческой деятельности, помогая человеку жить осмысленно.

Литература

1. Афанасьев Ю.Н. Через формы к смыслам. Информационное представление познавательного потенциала христианства. Диалоги физика и религиоведа: С.Г. Шеховцов, А.В. Юдин [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yuri-afanasiev.ru/forms/hristian.html> (дата обращения: 07.02.2020).
2. Волошин Е.В. К вопросу об использовании концептуальных схем в целях организации дискурса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophy.ru/library/goodman/voloshin.htm> (дата обращения: 07.02.2020).
3. Голдберг С. Молчание Пуанкаре и теория относительности Эйнштейна // Эйнштейновский сборник, 1972. М.: Наука, 1974. С. 341–358.
4. Деперт В. Мифические формы мышления в науке на примере понятий пространства, времени и закона природы // Научные и вненаучные формы мышления. М., 1996. С. 279–298.
5. Жилин П.А. Реальность и Наука: два метода познания [Электронный ресурс]. URL: http://www.teormeh.net/Zhilin_New/PARReal.htm (дата обращения: 07.02.2020).
6. Идлис Г.М. Революции в астрономии, физике и космологии. М.: Наука, 1985. 232 с.
7. Интеллект, воображение, интуиция: мифологический и художественный опыт / Рос. ин-т культурологии, С.-Петербург. отд-ние и др.; Гл. ред. Л. Морева. СПб., 2001. 379 с.
8. Ионов А.С., Петров Г.А. Парадокс лжеца и теория истины в комплексной логике [Электронный ресурс]. URL: http://314159.ru/ionov_petrov/ionov_petrov2.htm (дата обращения: 07.02.2020).
9. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. 2-е изд. / М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 288 с.
10. Кедров К. Параллельные миры [Электронный ресурс] / Константин Кедров. Режим доступа: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/keдров/4.shtml> (дата обращения: 07.02.2020).
11. Кедров К.А. Эйнштейн без формул [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi.ru/2009/10/08/180> (дата обращения: 07.02.2020).
12. Кириллова Р.М., Самарина Е.А. Онтологические и гносеологические основания мифа в контексте современного гуманитарного знания. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ontologicheskie-i-gnoseologicheskie-osnovaniya-mifa-v-kontekste-sovremennogo-gumanitarnogo-znaniya> (дата обращения: 09.04.2019).
13. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Интуиция как самодообраивание // Вопросы философии. 1994. №2. С. 110–122.
14. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. Общая ред. и послесловие С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
15. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. М.: Изд-во Прогресс, 1978. С. 203–235.
16. Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. М., ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. 1024 с.
17. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям в современной эпистемологии) [Электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/page50904290.htm> (дата обращения: 07.02.2020).

18. Месяц С.В. Современная физика – правдоподобный миф? // Границы науки. М., 2000. С. 140–147.
19. Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. 665 с.
20. Найдыш В.М. Философия мифологии. XIX – начало XXI в. М.: Альфа-М, 2004. 544 с.
21. Панов В.Г. Эмоции. Мифы. Разум. М.: Высш. школа, 1992. 252 с.
22. Перельман признался, что умеет управлять Вселенной [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/news/2011/4/28/487382.html> (дата обращения: 07.02.2020).
23. Поппер К.Р. Логика и рост научного знания [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/POPPER.HTML> (дата обращения: 07.02.2020).
24. Порус В.Н. Парадоксы научной рациональности и этики [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.philosophy.kiev.ua/iphras/library/ruspaper/PORUS1.htm> (дата обращения: 07.02.2020).
25. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. Пер. с англ. Изд.6-е. М.: Либроком, 2008. 296 с.
26. Ставицкий А.В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012. 543 с.
27. Ставицкий А.В. Современная мифология: опыт постижения Иного. Севастополь: Рибэст, 2012. 192 с.
28. Сурская М. Главный миф о превосходстве женщины развенчан [Электронный ресурс]. URL: <http://lenty.ru/gobest.html?http://lenty.ru/cgi-bin/gop.cgi?http://www.utro.ru/articles/2010/09/14/922083.shtml@0333> (дата обращения: 07.02.2020).
29. Сурская М. Мужской ум короче женского [Электронный ресурс]. URL: <http://lenty.ru/gobest.html?http://lenty.ru/cgi-bin/gop.cgi?http://www.utro.ru/articles/2010/09/14/922083.shtml@0333> (дата обращения: 07.02.2020).
30. Тычкин П.Б. Логика мифа в концепции К. Хюбнера как эпистемологическая модель эволюции постнеклассической научной методологии // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 317. № 6. С. 157–161.
31. Тычкин П.Б. Методологические аспекты конституирования мифа как элемента постнеклассической научной рациональности // Известия Томского политехнического университета. 2009. Т. 315. № 6. С. 107–109.
32. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 543 с.
33. Хайек Ф.А. фон. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом. Пер. с англ. Е. Николаенко. М., ОГИ, 2003. 288 с.
34. Хван М.П. Неистовая Вселенная: От Большого взрыва до ускоренного расширения, от кварков до суперструн. Изд.2-е, испр. М.: Либроком, 2008. 408 с.
35. Холлоуэй М. Мы верим в науку [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sciam.ru/2003/4/redaction.shtml> (дата обращения: 07.02.2020).
36. Хюбнер К. Критика научного разума. Пер. с нем. М., 1994. 326 с.

37. Эйнштейн А. Свобода и наука [Электронный ресурс]. URL: http://rusnauka.narod.ru/lib/einstein_a/free_nauk.htm (дата обращения: 07.02.2020).
38. Эйнштейн А. Физика и реальность [Электронный ресурс]. URL: http://alexandr4784.narod.ru/ei_47.htm (дата обращения: 07.02.2020).
39. Юревич А.В. Наука и паранаука: столкновение на «территории» психологии // Психологический журнал. 2005. Т. 26, №1. С. 79–87.
40. Юревич А.В. Цапенко И.П. Мифы о науке // Вопросы философии, 1996. № 9. С. 59–68.

References

1. Afanas'ev YU. N. SHerez formy k smyslam. Informacionnoe predstavlenie poznavatel'nogo potenciala hristianstva [Through Forms to Meanings. Informational Representation of the Cognitive Potential of Christianity]. Dialogi fizika i religioveda: S.G. SHekhovcov, A.V. YUdin [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.yuri-afanasiev.ru/forms/hristian.html> (data obrashcheniya: 07.02.2020).
2. Voloshin E.V. K voprosu ob ispol'zovanii konceptual'nyh skhem v celyah organizacii diskursa [To the Question of the Conceptual Schemes Usage for the Purpose of Discourse Organization] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.philosophy.ru/library/goodman/voloshin.htm> (data obrashcheniya: 07.02.2020).
3. Goldberg S. Molchanie Puankare i teoriya odnositel'nosti Ejnshtejna [Poincaré's Silence and Einstein's Theory of Relativity] // Ejnshtejnovskij sbornik, 1972. M.: Nauka, 1974. S. 341–358.
4. Deppert V. Mificheskie formy myshleniya v nauke na primere ponyatij prostranstva, vremeni i zakona prirody [Mythical Forms of Thinking in Science on an Example of Concepts of Space, Time and Law of Nature] // Nauchnye i vnenauchnye formy myshleniya. M., 1996. S. 279–298.
5. Zhilin P.A. Real'nost' i Nauka: dva metoda poznaniya [Reality and Science: Two Methods of Knowing] [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.teormeh.net/Zhilin_New/PARReal.htm (data obrashcheniya: 07.02.2020).
6. Idlis G.M. Revolyucii v astronomii, fizike i kosmologii [Revolutions in Astronomy, Physics and Cosmology]. M.: Nauka, 1985. 232 s.
7. Intellect, voobrazhenie, intuciya: mifologicheskij i hudozhestvennyj opyt [Intellect, Imagination, Intuition: Mythological and Artistic Experience] / Ros. in-t kul'turologii, S.-Peterb. otd-nie i dr.; Gl. red. L. Moreva. SPb., 2001. 379 s.
8. Ionov A.S., Petrov G.A. Paradoks lzheca i teoriya istiny v kompleksnoj logike [Paradox of the Liar and the Theory of Truth in Complex Logic] [Elektronnyj resurs]. URL: http://314159.ru/ionov_petrov/ionov_petrov2.htm (data obrashcheniya: 07.02.2020).
9. Cassirer E. Filosofiya simvolicheskikh form [Philosophy of Symbolic Forms]. Tom 2. Mifologicheskoe myshlenie [Mythological Thinking]. 2-e izd. / M.; SPb. : Centr gumanitarnyh iniciativ, 2017. 288 s.
10. Kedrov K. Parallel'nye miry [Parallel Worlds] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/kedrov/4.shtml> (data obrashcheniya: 07.02.2020).
11. Kedrov K. A. Ejnshtejn bez formul [Einstein without Formulas] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.stihi.ru/2009/10/08/180> (data obrashcheniya: 07.02.2020).

12. Kirillova R.M., Samarina E.A. Ontologicheskie i gnoseologicheskie osnovaniya mifa v kontekste sovremennogo gumanitarnogo znaniya [Ontological and Epistemological Foundations of Myth in the Context of Modern Humanitarian Knowledge]. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/ontologicheskie-i-gnoseologicheskie-osnovaniya-mifa-v-kontekste-sovremennogo-gumanitarnogo-znaniya> (data obrashcheniya: 09.04.2019).

13. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Intuiciya kak samodostraivanie [Intuition as Self-Construction] // Voprosy filosofii. 1994. №2. S. 110–122.

14. Kun T. Struktura nauchnyh revolyucij [Structure of Scientific Revolutions] / Per. s angl. I. Z. Naletova. Obshchaya red. i posleslovie S. R. Mikulinskogo i L. A.Markovoj. M.: Progress, 1977. 300 s.

15. Lakatos I. Istoriya nauki i ee racional'nye rekonstrukcii [The History of Science and its Rational Reconstruction] // Struktura i razvitie nauki. Iz Bostonskih issledovanij po filosofii nauki. M.: Izd-vo Progress, 1978. S. 203–235.

16. Losev A.F. Samoe samo: Sochineniya [The Very Self: Essays]. M., ZAO Izd-vo EKSMO-Press, 1999. 1024 s.

17. Mamchur E.A. Ob"ektivnost' nauki i relyativizm: (K diskussiyam v sovremennoj epistemologii) [Objectivity of Science and Relativism: (for Discussion in Modern Epistemology)] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://iph.ras.ru/page50904290.htm> (data obrashcheniya: 07.02.2020).

18. Mesyac S.V. Sovremennaya fizika – pravdopodobnyj mif? [Modern Physics - a Plausible Myth?] // Granicy nauki [Frontiers of Science]. M., 2000. S. 140–147.

19. Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in History, Politics, Culture] [Elektronnyj resurs]: Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii [Proceedings of the IV International Scientific Interdisciplinary Conference] (iyun' 2020 goda, g. Sevastopol') / Pod redakciej A.V. Stavickogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2020. 665 s.

20. Najdysh V.M. Filosofiya mifologii. XIX – nachalo XXI v. [Philosophy of Mythology. XIX - the beginning of XXI century] M.: Al'fa-M, 2004. 544 s.

21. Panov V.G. Emocii. Mify. Razum [Emotions. Myths. Mind]. M.: Vyssh. shkola, 1992. 252 s.

22. Perel'man priznalsya, chto umeet upravlyat' Vselennoj [Perelman Confessed that he Knows how to Rule the Universe] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.vz.ru/news/2011/4/28/487382.html> (data obrashcheniya: 07.02.2020).

23. Popper K.R. Logika i rost nauchnogo znaniya [Logic and the Growth of Scientific Knowledge.] [Elektronnyj resurs].

URL: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/POPPER.HTML> (data obrashcheniya: 07.02.2020).

24. Porus V.N. Paradoksy nauchnoj racional'nosti i etiki [Paradoxes of Scientific Rationality and Ethics] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://ru.philosophy.kiev.ua/iphras/library/ruspaper/PORUS1.htm> (data obrashcheniya: 07.02.2020).

25. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz haosa: Novyj dialog cheloveka s prirodoy [Order out of Chaos: A New Dialogue between Man and Nature]. Per. s angl. Izd.6-e. M.: Librokom, 2008. 296 s.

26. Stavickij A.V. Ontologiya sovremennogo mifa [Ontology of the Modern Myth]. Sevastopol': Ribest, 2012. 543 s.

27. Stavickij A.V. Sovremennaya mifologika: opyt postizheniya Inogo [Modern Mythology: the Experience of Comprehending the Other]. Sevastopol': Ribest, 2012. 192 s.
28. Surskaya M. Glavnyj mif o prevoskhodstve zhenshchiny razvenchan [Main Myth of Woman's Superiority Debunked] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://lenty.ru/gobest.html?http://lenty.ru/cgi-bin/gop.cgi?http://www.utro.ru/articles/2010/09/14/922083.shtml@0333> (data obrashcheniya: 07.02.2020).
29. Surskaya M. Muzhskoj um koroche zhenskogo [Man's Mind is Shorter Than Woman's] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://lenty.ru/gobest.html?http://lenty.ru/cgi-bin/gop.cgi?http://www.utro.ru/articles/2010/09/14/922083.shtml@0333> (data obrashcheniya: 07.02.2020).
30. Tychkin P.B. Logika mifa v koncepcii K. Hyubnera kak epistemologicheskaya model' evolyucii postneklassicheskoy nauchnoj metodologii [Myth Logic in the Concept of K. Hübner as an Epistemological Model of Post-Neoclassical Scientific Methodology Evolution] // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 2010. T. 317. № 6. S. 157–161.
31. Tychkin P.B. Metodologicheskie aspekty konstituirovaniya mifa kak elementa postneklassicheskoy nauchnoj racional'nosti [Methodological Aspects of Myth Constituting as an Element of Post-non-classical Scientific Rationality] // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 2009. T. 315. № 6. S. 107–109.
32. Feyerabend P. Izbrannye trudy po metodologii nauki [Selected Works on the Methodology of Science]. M.: Progress, 1986. 543 s.
33. Hayek F.A. fon. Kontrevolyuciya nauki. Etyudy o zloupotreblenii razumom [The Counterrevolution of Science. Essays on the Abuse of Reason]. Per. s angl. E. Nikolaenko. M., OGI, 2003. 288 s.
34. Hvan M. P. Neistovaya Vselennaya: Ot Bol'shogo vzryva do uskorennoogo rasshireniya, ot kvarkov do superstrun [The Unstoppable Universe: from the Big Bang to the Accelerated Expansion, from Quarks to Superstrings]. Izd.2-e, ispr. M.: Librokom, 2008. 408 s.
35. Holloway M. My verim v nauku [We Believe in Science] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.sciam.ru/2003/4/redaction.shtml> (data obrashcheniya: 07.02.2020).
36. Hübner K. Kritika nauchnogo razuma [Critique of Scientific Reason]. Per. s nem. M., 1994. 326 s.
37. Einshtein A. Svoboda i nauka [Freedom and Science] [Elektronnyj resurs]. URL: http://rusnauka.narod.ru/lib/einstein_a/free_nauk.htm (data obrashcheniya: 07.02.2020).
38. Einshtein A. Fizika i real'nost' [Physics and Reality] [Elektronnyj resurs]. URL: http://alexandr4784.narod.ru/ei_47.htm (data obrashcheniya: 07.02.2020).
39. YUrevich A. V. Nauka i paranauka: stolknovenie na «territorii» psihologii [Science and Parascience: the Collision on the "Territory" of Psychology] // Psihologicheskij zhurnal. 2005. T. 26, №1. S. 79–87.
40. YUrevich A.V. Capenko I. P. Mify o nauke [Myths about Science] // Voprosy filosofii, 1996. № 9. S. 59–68.

Сведения об авторе:

Ставицкий Андрей Владимирович

доцент кафедры истории и международных отношений Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат философских наук (г. Севастополь, Россия).

E-mail: stavis@rambler.ru

Bionotes:

Stavitskiy Andrey Vladimirovich

Associate Professor, Department of History and Foreign Affairs, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philosophy (Sevastopol, Russia).

Для цитирования:

Ставицкий А.В. Методологические аспекты понимания общей теории мифа в контексте неклассической мифологии // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 114–126.

For citation:

Stavitskiy A.V. Methodological Aspects of Understanding the General Theory of Myth in the Context of Non-classical Mythology // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1. 2022. pp. 114–126.